

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

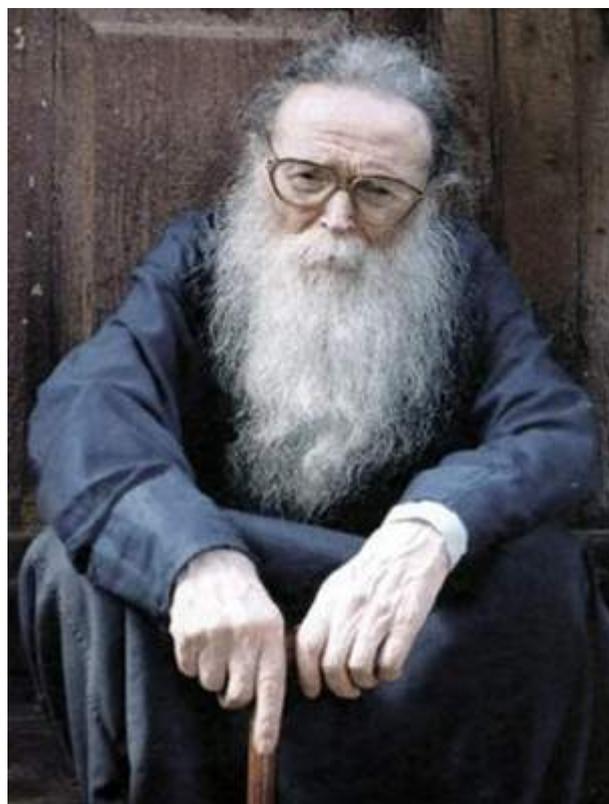
Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Из воспоминаний протоиерея Михаила Труханова

«Сынок! У нас нет ни богатства, ни почетного положения в обществе. Ты не можешь надеяться ни на что мирское. Знай же — наша надежда в Боге: «Яко с нами Бог!». Бог с теми, кто Его призывает в помощь и спасение. На тебя обрушатся насмешки и презрение товарищей по школе за мое священство. Теперь такое время... Потерпи. Молись и учись. Учись и молись. Сам Господь да благословит твое учение. С Богом иди!»

В начале сентября (1929 г.) мы были вынуждены срочно выехать из Тамерлановки, оставив там все, прямо ночью, будучи предупреждены одним работником сельсовета о решении арестовать отца.

Спасались какое-то время у о. Сергия Соколова в Арыси, потом прибыли в Туркестан. Бедствовали и нуждались очень, во всем нуждались. Хлеб, крупа, сахар, растительное масло, даже мыло — все выдавалось только по карточкам рабочим и служащим, членам их семей. Отцу, как лишенцу, карточки, конечно, не выдавались, не выдавались и нам — членам семьи лишенца.^[1]

Помню, из-под полы на привокзальном базарчике иногда продавали (по ценам, для нас явно недоступным) стаканами крупу, муку и куски пайкового хлеба.

Если мы выжили в этот период (около года), то только благодаря Господу, вложившему сострадание местным христианам к нам — только что прибывшим, никого не знающим и ничего не имеющим. Были дни, когда полстакана серой, грубого помола муки составляли все суточное питание нашей семьи (отец, мать и двое нас, подростков). Из полстакана муки мама ухитрялась дважды в день сварить «затируху»: в чугунок с кипящей водой засыпалась «затируха» из муки, предварительно слегка смоченной водою и растертой ладонями рук в слипшиеся кусочки, которым давалось какое-то время чуть-чуть подсохнуть...

Ботинок не было ни у кого. Ходили в вязаных мамою шерстяных носках и в калошах. Мама пряла то на прялке, то на веретене из клочков кем-либо данной шерсти; или же распускала что-то старое, чтобы связать новое.

Верхняя одежда отца состояла из двух подрясников: летнего (он же повседневный и служебный) и зимнего (стеганого и с заплатками). Мама ходила зимой в выдавшей виды стеганке, типа полупальто. У брата Вани был зимний пиджак стеганый, из которого он вырос давным-давно, но с ним не расставался (рукава короткие, помню, не доходили до ладони). Мне мама смастерила из поношенного суконного папиного подрясника род теплой, длинной, под ремень, рубахи (все-таки ведь сукно!)^[2], которую я надевал поверх обычной нательной рубашки. Так утепившись, я выбегал на двор, к колодцу за водою.

Матрацев не было. Стояла в комнате деревянная кровать (по-теперешнему, односпальная), на которую складывалось на день все, что служило всей семье постелью и покровом ночью. Спали на полу: постилался большой войлок (кошма), в изголовье клали невесть чем набитые подушки — только не перьями и не сеном, а укрывались все одним стеганым одеялом. Мы с Ваней — в середине, по краям — родители. Когда было уж очень холодно, дополнительно укрывались поверх одеяла теплым подрясником папы.

Для зимы у отца была суконная скуфья, летом же он носил соломенную шляпу с дырявыми изломанными полями. У брата был заменявший шапку суконный клетчатый картуз, который он натягивал глубоко на голову, чтобы не мерзли уши. Для меня шапки не нашлось, да мне она и не была надобна, так как в школу я тогда не ходил. (Двукратная попытка поступить учиться не удалась. «Наша школа — трудовая, для детей лишенцев мест нет», — гласила резолюция отказа на моем заявлении в среднюю школу г. Чимкента. Подобная же резолюция была и на другом моем заявлении: «В ж.д. школе обучаются дети только (подчеркнуто!) железнодорожников».)

Да и вообще никуда из дому далеко не выходил — перебежал двор в летней панамке, натянутой на уши, если надо было в храм к службе поспеть. Кстати, в

храме никакого отопления вообще не было. Все мы там «закалялись»; больше всех приходилось мерзнуть, конечно, отцу.

Как-то одна из местных прихожанок, певшая на клиросе, спросила маму обо мне: «Почему ваш сын не учится в школе?». Мама (а она за старшую на клиросе была по чтению, пению и уставу) ответила, что не приняли. Певчая обещала узнать о возможности поступления в пристанционную школу. И при следующем посещении храма сказала маме: «Посылайте своего Мишу в школу — его примут».

Так в-десятых или двадцатых числах ноября 1929 г. я пошел в школу: был принят сразу в восьмой класс. Тогда в школах насаждали звеньевой метод учебы. Класс разбивали на звенья по 5–6 учеников; звено получало задание от учителя, самостоятельно прорабатывало тему урока, а затем от имени звена один ученик отвечал учителю. Оценка знаний при этом ставилась общая — всему звену, хотя отвечал один из учеников. Предполагалось, что все ученики — заинтересованные в умножении своих личных познаний —отрабатывали сообща задание учителя, чтобы легче усвоить учебный материал. Опыт, однако, убедил, что звеньевой метод обучения не дал ожидаемых результатов. От него вскоре, слава Богу, отказались.

Перед отправлением первый раз в школу папа, мама и я стали на колени перед образами, отец прочел вслух «Отче наш», «Спаси, Господи, люди твоя», «Царю Небесный», «Правило веры». Вставши с колен, обратился ко мне со словами: «Сынок! У нас нет ни богатства, ни почетного положения в обществе. Ты не можешь надеяться ни на что мирское. Знай же — наша надежда в Боге: «Яко с нами Бог!». Бог с теми, кто Его призывает в помощь и спасение. На тебя обрушатся насмешки и презрение товарищей по школе за мое священство. Теперь такое время... Потерпи. Молись и учись. Учись и молись. Сам Господь да благословит твое учение. С Богом иди!». Папа благословил меня, я расцеловался с родителями и зашагал в школу.

В восьмом классе утром, перед первым уроком, когда все ученики уже сидели на своих местах в ожидании учителя, староста группы Муза Григорова, представляя меня, стоявшего около нее, спрашивает: «Кто возьмет в свое звено нового ученика Мишу Т.?». Молчание. Потом кто-то крикнул: «Да это же поп, ребята!». Сразу наступило оживление в классе. Муза спрашивает: «Первое звено, возьмете?». «Нет, попа нам не надо! Ха- ха-ха, поп!». «Второе?» — спрашивает староста. И второе звено ответило с хохотом: «И нам попа не надо!». Так же третье, четвертое, пятое. Шестое звено возглавляла сама староста... Еще раз Муза обратилась к классу: «Значит, никто не хочет в свое звено новенького?». В ответ все загалдели хором: «Попов нам не надо!». И

многое, многое подобное...

«Тогда садись, — говорит Муза, — за эту парту с Костей, а ты, Нюра, пересядь к нам, будем сидеть втроем». Так я получил место за второй партой от учительского стола, а на первой сидела с двумя девочками староста Муза. Вошел учитель. Я начал учиться в школе.

Выпал снег, ударили морозы, а шапкой для меня мы еще не обогатились. Мама отрезала от кошмы треугольный кусок, в углах которого приделала длинные шпагатинки. Когда я накладывал себе на голову этот кусок кошмы и стягивал шпагатом у подбородка, уши у меня совсем не мерзли. Вот только вид у меня в этой треуголке получался довольно неказистый. Особенно, когда задний угол сего головного убора высывался хвостом у затылка. И потому мой вид вызывал постоянные насмешки со стороны школьников — «детей трудящихся», одетых побогаче, в обычные, свойственные подросткам, головные уборы и одежду.

«Треух, треух! Смотрите, ребята, какой треух у попа! Ах ты, поп, деревянный лоб! Давай, ребята, проверим — деревянный ли лоб у попа?» ... И ну снежками бить меня по треухе моей, по башке. Толкнут в сугроб и закидают, бывало, меня снегом: и больно, и холодно... Раздавался звонок на урок, ребята разбежались, а я тем самым от них спасался. И, отряхиваясь, бежал на занятия в свой класс...

[1] «Лишенцами» называли людей, относимых к классу нетрудового населения: они не имели избирательных прав в государстве.

[2] Эту длинную рубаху мама еще утеплита подкладкой из самотканой дерюжки, вместо коврика валявшейся у входной двери в дом. И, таким образом, рубаха моя стала еще теснее и теплее — в ней я ходил в школу.

*Протоиерей Михаил Труханов
Воспоминания: первые сорок лет моей жизни.
Минск: «Лучи Софии», 2013 г.*

Электронный источник: [Азбука веры](#)

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45

Проезд: ст. метро "Петроградская"

Телефон: +7-812-234-24-27